

ПОИСКИ ЗОИНЫХ ТОВАРИЩЕЙ

Евгений Савинов (в очках)
с матерью Бориса Крайнова Александрой
Васильевной и его братом Анатолием.

Теперь трудно вспомнить, как всё началось. Только назойливо выплывает из памяти фраза:

— А ведь командиром партизанского отряда, в котором сражалась Зоя Космодемьянская, был наш ярославец Борис Крайнов!

Тогда, пятнадцать лет тому назад, я не обратил внимания на эти слова. Вторично имя Бориса я встретил, читая книгу Л. Т. Космодемьянской «Повесть о Зое и Шуре».

Партизанка Клава рассказывала матери Зои: «Нашего нового командира звали Борис. Он был очень выдержанный, спокойный, немного резковатый...» Фамилия Бориса в книге не упоминалась. Я подумал: бесспорно, подвиг Зои подготовлен комсомолом, школой, но важную роль должны сыграть и товарищи по оружию. А в условиях партизанского отряда от командира тоже зависит очень многое, особенно воинское воспитание бойцов. Не попытаться ли мне, ярославцу, разыскать своего земляка, которому посчастливилось быть Зоиним командиром. А может быть, и Зое посчастливилось, что она встретила с ним?

Одна из моих знакомых, работница обкома комсомола, сказала, что родители Крайнова будто бы проживают в Суздальском посёлке на окраине Ярославля. Поиски начались весьма буднично: я пошёл в милицию и взял адреса всех Крайновых, прописанных в закотдоросльской части города. Их оказалось более пятидесяти. Вначале смутился: обойти всех - долгое время! Помогла память детства. Когда-то я жил недалеко от

Суздальского посёлка и вместе со своими товарищами-школьниками от души смеялся над названиями, которые давались улицам на пустыре. Построят два деревянных дома - и окрестят улицей Герцена. Весёлый венский композитор Иоганн Штраус соседствовал там с серьёзным английским учёным Исааком Ньютоном. Гоголь дружил с Достоевским. Только читая надписи на фонарях в посёлке, можно было получить среднее образование... Я и решил навестить прежде всего эти места.

В первых двух домах на улице Герцена жители удивились моему визиту, исключили из списка Крайновых своих родственников. Я упрямо стучался в чужие двери. Люди, с которыми я разговаривал, не знали партизана Бориса. Список медленно сокращался. Меня мучили сомнения. Совсем нерешительно вошёл во двор небольшого дома на улице Писемского. На стук никто не ответил. Я уже собирался уходить, но решил посильней подёргать дверь: от рывка внутри соскочил крючок. Так я вошёл в дом. На кухне меня встретил мужчина лет сорока, в комбинезоне строителя. Он нисколько не удивился моему появлению и на вопрос: «Не было ли у вас в родне партизана Бориса Крайнова?» — флегматично ответил: «Это мой брат».

Мы понемногу разговорились.

Анатолий Сергеевич Крайнов, плотник с железной дороги, познакомил меня со своей матерью Александрой Васильевной. Невысокая, узколицая старушка с удивительно живыми, почти девичьими глазами очень обрадовалась, узнав, что кто-то заинтересовался судьбой её сына. Я сразу почувствовал: Боря - её любимец. Говорить с Александрой Васильевной было легко и приятно. Временами она всплакивала, припоминая что-то своё, далёкое. Я почти дословно записал рассказ матери.

— Последнее письмо Борис прислал с дороги на фронт. После партизанского отряда мой сын был в гвардейской части, но только сейчас трудно сказать, в какой; почему-то думается - в десантной. Письмо не сохранилось. Оно было написано на полях газеты, на узенькой полоске бумаги. Содержание примерно такое: «Еду на фронт, обо мне не беспокойтесь. С гвардейским приветом Борис». Этот клочок положен в треугольный самодельный конвертик. Помню, обратного адреса не было. Видно, сын не знал ещё адреса. Только вскоре я догадалась, что мой Борис погиб.

— Как же так догадались? - удивился я.

— А было вот как. Мне приснился сон. Я увидела свежий жёлтый песок и открытую могилу. Стоял гроб, а в нём лежал мой умерший сын Владимир. Я держала в руках венок из лиловых и жёлтых цветов. И вот, откуда ни возмись, выбежал Боря - мальчик - и встал у изголовья гроба. Это было пятого марта. Я утром рассказала снохе. Та успокаивала:

— Какие же цветы сейчас, на снегу?

И дальше - каждую ночь сны. Однажды держала в руках четыре яблока, и самое большое, румяное выскользнуло и упало. В другой раз несла четыре хлеба (ведь у меня

четыре сына-кормильца!) – и один каравай куда-то исчез.

Наконец, приснился белый-белый пирог с грибами, и подумала, проснувшись: «Грибаться мне!» (то есть горевать).

А то вечером стучат. Громко, настойчиво, как бывало стучал Борис. Распахиваю дверь – никого! Жутко станет! Говорю батьке:

— Ну, отец, видно, погиб наш Борька!

А через неделю меня вызвали в райвоенкомат. Ласковая женщина, по фамилии Чуринова, спрашивает:

— Сколько у вас сыновей на фронте?

— Да все четыре!

— Должна вам сказать, — замялась она, — один сын погиб!

— Борис... — вымолвила я.

Женщина даже вздрогнула: почему именно я подумала о Борисе? Ведь действительно он пятого марта 1943 года был убит под Ленинградом...

Я не мог вместе с Александрой Васильевной поверить её приметам. Но разве в этих снах не сказались тревоги большого материнского сердца?

Пока я слушал милую и добрую старушку, меня не отпускала мысль: всё-таки тот ли это Борис, которого я ищу? Хорошо бы посмотреть его письма! Поиски их заняли немало времени. Наконец Анатолий Сергеевич нашёл несколько пожелтевших листочков. Борис явно не был многословным. Несколько приветов родственникам да неизменное «обо мне не беспокойтесь» — содержание почти всех писем. Но вот необычный по виду прозрачный листок. Он вырван из какого-то словаря. На папиросной бумаге, которой прокладывают иллюстрации, я прочитал следующее: «Здравствуйте, папа, мама, Федя и Вася! Нахожусь на старом месте. Жив и здоров. Если вы читали о Герое Советского Союза Зое Космодемьянской, так она из моего отряда.

Где сейчас находится Анатолий? Написал письмо ему, а ответа не получил. Обо мне меньше всего думайте и беспокойтесь. С приветом Борис. 21 февраля 1942 г.»

Первое подтверждение есть! Я невольно обратил внимание на дату письма. Борис написал его через пять дней после опубликования Указа Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Зое звания Героя Советского Союза. Естественно, Крайнов не мог не поделиться с родными таким важным для командира отряда известием. И всё-таки одного предположения недостаточно. Кто может лучше всего знать о Зое и её друзьях, как не самый близкий человек – мать? Я и обратился с письмом к Любови Тимофеевне Космодемьянской. Ответ пришёл быстро. Мать партизанки писала: «С Крайновым Борисом я встречалась на похоронах Зои, он мне показался слишком юным для командира отряда. Очень скромный, с голубыми глазами и светлыми волосами... Только военная шинель... придавала ему некоторую солидность...

Меня познакомила с ним Клава Милорадова, единственная, с кем я ещё имею связь, из соратников Зои. Она работает в Москве, в ТАССе. Адреса я её не знаю ни рабочего, ни домашнего».

Голубые глаза и светлые волосы... Да, это Борис. Недаром мать, рассказывая о детстве сына, называла его: «Серебряный мой!»

По письму Любви Тимофеевны нетрудно было догадаться, что Клава Милорадова – именно та партизанка, которая рассказывала ей про Зоино командира.

ТАСС – учреждение огромное, а девичьи фамилии чаще всего бесследно исчезают. Всё-таки я обратился с запросом в отдел кадров – и Клава откликнулась! Более того, она сообщила адреса оставшихся в живых товарищей Зои. Радостно было узнать, что одна из партизанок, Лидия Булгина, живёт «по соседству», в городе Рыбинске. Сначала я отправился к ней. Перед встречей задавал себе вопросы: какова эта девушка, видевшая легендарную Зою, вместе с ней коротавшая ночи у скупого партизанского костра? Наивно думалось, что не только Зоя, но и её подруги остались молодыми.

Я встретил высокую женщину лет тридцати шести. Она показалась мне больной и усталой. Разговор долго не клеился. Лидия Александровна не хотела вспоминать войну. Слишком дорого эта женщина заплатила за победу: лишилась здоровья, лишилась своей профессии. Ей пришлось пойти работать на фабрику вторичного сырья сортировщицей утиля. Что говорить, занятие прозаическое, чем-то даже унижительное. Поэтому Лидия Александровна никогда и словом не обмолвилась ни на работе, ни дома о своём партизанском прошлом.

— Мало ли кто рядом со мной совершал подвиги, но при чём тут я? – раздражённо отвечала Булгина в ответ на все мои попытки вызвать её на откровенный разговор. Я спросил, нет ли у неё фотографий военных лет? Лидия Александровна достала снимок трёх партизанских подруг. В декабре 1941 года, расставаясь, Лида Булгина, Аля Воронина и Наташа Самойлович, воевавшие в отряде Крайнова, сфотографировались на память. Рассматривая старую фотографию, Лидия Александровна наконец разговорилась. Не о себе. Она вспоминала своих задушевных подруг, с которыми впервые очутилась в тылу врага под Москвой. О Зое она говорила подчёркнуто скупно. Так или иначе я был доволен встречей в Рыбинске, увозил с собой редкую фотографию, несколько писем и адресов. Я завёл папку с надписью «Отряд Бориса Крайнова» и положил в неё первые документы.

Разговор с Лидией Александровной убедил меня в необходимости продолжить мои самостоятельные поиски. Я поехал в Москву, где живут Наташа Самойлович, Аля Воронина и Клава Милорадова. В столице они собрались не случайно. Лида рассказала, что отряд, в котором сражалась Зоя Космодемьянская, состоял из девушек-москвичек и парней-ярославцев. Сначала я решил разыскать девушек. Наташа Самойлович встретила меня приветливо. Она во что бы то ни стало хотела «реабилитировать» Лиду.

Наташа убеждала меня, что ещё не находила в своей жизни более душевного человека, более верной подруги, чем Лида. Замкнутость и резкость Лиды надо понять и ни в коем случае не осуждать. Мне пришлось защищаться: я ни в чём не осуждаю Лидию Александровну, а только рассказываю, как она меня встретила.

Наталия Трофимовна Самойлович поведала о своей жизни. Путь её тоже, как говорится, не был усыпан розами. С фронта в конце войны Наташа вернулась инвалидом: у неё были перебиты ноги и повреждён позвоночник. Девушке грозила неподвижность. Но человек не сдался!

— Много раз я твердила себе, что нельзя сидеть без дела! - рассказывала Наташа. - Я старалась забыть о недуге и вязала кофточки для артели. Однако меня угнетало слово «надомница», я привыкла всегда быть с людьми, а теперь болезнь отгородила меня от жизни четырьмя стенами. Я всегда верила и верю в дружбу. И меня вспомнили товарищи с той самой Ростокинской камвольно-отделочной фабрики, откуда я уходила в партизанский отряд. Они предложили работу нормировщицы. Я вошла в цех на костылях. Повсюду меня встречали приветливые улыбки.

Шли годы - болезнь отступила! Победила воля человека. Наташа не давала себе поблажек, не щадила себя, всё свободное время тратила на учение в заочном институте. Теперь она - инженер. У неё дружная семья, двое детей.

Познакомился я и с Клавой Милорадовой. Кто-то из бывших партизанок сказал про неё: «Артельный человек!» И точно! Её всегда окружают люди, она держит постоянную связь со всеми своими боевыми товарищами. Меня Клава сразу же свела с работниками партизанской секции Советского комитета ветеранов войны, познакомила с бывшим командиром партизанской части А. К. Спрогисом, который ныне находится на заслуженном отдыхе.

Клаве Милорадовой я благодарен за встречи с Л. Т. Космодемьянской, с бывшим комиссаром части Героем Советского Союза Н. Д. Дроновым (к сожалению, встреча с ним так и осталась единственной - Никита Дорофеевич в 1965 году скончался).

Беседа с матерью Зои длилась около часа. Я попросил Любовь Тимофеевну познакомиться с собранными мною материалами. Пока она внимательно их читала, я осматривал комнату, в которой всё напоминало о Зое. С большого портрета глядели живые, чуть насмешливые глаза девушки, рядом висел другой портрет - её брата Александра. Добровольцем он ушёл на фронт, чтобы отомстить за гибель старшей сестры. Лейтенант Космодемьянский воевал в гвардейской танковой части. На своей боевой машине Шура и его товарищи бросались в самые жаркие схватки с врагом. Они уже гнали отступавших фашистов в глубь Германии, и оставались считанные дни до победы, когда осколок снаряда сразил Шуру.

Советское правительство за боевые заслуги перед страной и личную отвагу присвоило посмертно молодому воину звание Героя Советского Союза. Он похоронен на

Новодевичьем кладбище в Москве рядом с Зоей.

Память брата и сестры, двух героев, незабвенна для живущих на земле. Пример мужества и самопожертвования во имя Родины особенно близок нашей современной молодёжи. Об этом говорят пачки писем, которыми завален стол в комнате Любви Тимофеевны.

Бывают белые пряди в волосах человека, а на голове матери Зои – одна-единственная тёмная прядь... Я смотрел на седину Любви Тимофеевны и думал, что она каждодневно находится над открытой могилой своих детей. Их нельзя забыть, когда люди, непроизвольно освежая великое материнское страдание, напоминают о погибших.

Познакомившись с материалами о Зоиных товарищах, Любовь Тимофеевна с болью в голосе сказала:

— Почти дети, а что испытали!

Мать вспомнила школьные годы дочери, её мечту – стать журналисткой. Зоя писала хорошие сочинения на уроках литературы. Учительница не раз зачитывала их вслух, а Зоя делилась этой своей радостью с мамой.

Любовь Тимофеевна бывала в Ярославле и, видимо, желая отвести разговор от нахлынувших на неё воспоминаний, попросила рассказать, что нового в городе, что ставит Волковский театр.

Вторично я встретился с Любовью Тимофеевной уже в официальной обстановке – на вечере защитников Москвы в Политехническом музее, когда отмечалось 15-летие разгрома немецких войск под Москвой. И снова, когда с трибуны Л. Т.

Космодемьянская говорила о своих детях, я почувствовал, какое сильное сердце надо иметь, чтобы вынести всю боль, всю неиссякаемую печаль о самой дорогой утрате. В этом её материнский подвиг.

После длительных бесед с бывшими крайновцами мои блокноты заполнялись всё новыми и новыми фактами. Партизаны сами охотно брались за перо и присылали свои воспоминания. Письма из Москвы содержали записи Клары Милорадовой и Али Ворониной, из Калинина – Наташи Обуховской, из Рыбинска – Лиды Булгиной. 11 декабря 1956 года «Литературная газета» поместила мою статью «В их отряде сражалась Зоя». Прочитав её, мне написали подробные письма участники партизанской борьбы в Подмосковье, знавшие Крайнова, Иван Смирнов из Ленинграда, Папий Гусев из Семеиза, Лев Кухаренко из Житомира. О своей землячке – партизанке Вере Волошиной – рассказали её кемеровские школьные подруги. Иные письма состояли из нескольких, но очень трогательных слов: «Я знала Веру Волошину, не могу ли чем-нибудь помочь при работе над вашей книгой?».

Некоторые строки были наполнены сдержанным гневом и отмечали определённую несправедливость по отношению к памяти о Борисе Крайнове. Так, неизвестный мне

Георгий Александрович Курбатов писал: «В 1942 году я служил заместителем командира спецгруппы разведотдела штаба Западного фронта. Эта группа действовала в «треугольнике» Полоцк - Витебск - Невель. Руководил группой Борис Крайнов. Этот человек всегда вызывал у меня безмерное восхищение, на всю жизнь оставшись в моей памяти героем и патриотом. Крайне обидно, что такой яркий человек, как Борис Крайнов, его жизнь, его действия в трудных условиях вражеского тыла остались известными только небольшому кругу товарищей по оружию...»

Эти письма придавали мне уверенность в работе. Однако не всё шло гладко.

Много усилий затратил я на поиски «следов» Павла Проворова, участвовавшего в одном походе с Зоей и бывшего другом Крайнова. Партизаны рассказывали, что Павел якобы воспитывался в детском доме где-то недалеко от Ярославля. По моей просьбе областной отдел народного образования запросил все детские дома с расчётом найти хотя бы воспитателей Проворова, но, увы, его никто не помнил. Я разослал около сотни писем Проворовым, живущим в Ярославле, в надежде на отклик дальних родственников, которые, как утверждали крайновцы, были у Павла. Одна работница с «Красного Перекопа» сообщила мне, что её брат - уроженец города Буя - Павел Проворов погиб в боях под Москвой. Его фотокарточку я тут же отправил бывшим партизанам, но... это был только однофамилец. На карточке снят пожилой мужчина, отец семейства, а партизан Павел Проворов - молодой парень.

Многие черты биографии и даже внешность партизана напоминают бывшего воспитателя группы фабрично-заводского ученичества ФЗУ Резинокомбината Павла Проворова. Однако его брат Иван Фёдорович Проворов сообщил из Большого Села, что Павел был призван в Красную Армию накануне войны. «Когда я его провожал, — пишет И.Ф. Проворов, — у нас произошёл такой разговор:

— Паша, время тревожное, возможна война, поэтому будь мужественным. — Он ответил, что понимает обстановку и готов честно выполнить долг перед Родиной».

Мне, однако, было точно известно: Павел Проворов прибыл в партизанскую часть осенью 1941 года из Ярославля. Значит, и этот человек, безвестно погибший на фронте, тоже лишь однофамилец партизана. Смелые, несгибаемые люди, не пощадившие себя ради счастья Отчизны! Все они достойны нашей памяти. И потому особенно хотелось продолжить поиск: найти наконец людей, знавших партизана Проворова, друживших с ним, работавших вместе.

Но только через десять лет случайный разговор помог приоткрыть завесу над довоенной судьбой Павла.

В Переславле-Залесском работает Николай Павлович Масин, он принимал участие в первом походе отряда Крайнова за линию фронта. Его письмо ко мне не содержало каких-либо новых сведений, и я, признаться. Не спешил встретиться с Масиным. Весной 1967 года я поехал на Плещеево озеро и по пути завернул к Николаю

Павловичу. Как я ожидал, он повторил то, что давно было известно. Я посетовал Масину, что мне никак не удалось узнать чего-либо о Павле Проворове. И он рассказал совершенно редкий случай. Когда ярославские комсомольцы прибыли в ЦК ВЛКСМ осенью 1941 года, они ночевали в гостинице «Москва». Масин жил в одной комнате с Проворовым. И вот здесь, вечером 15 октября, Павел сел за стол, чтобы написать письмо. Масин сидел рядом и перелистывал журнал. Когда его сосед готовился заклеить конверт, Николай Павлович заметил адрес и был изумлён. Письмо адресовалось Клаве Мазиковой, с которой он в школе несколько лет сидел на одной парте. Проворов дружил с Клавой в Ярославле. Павел заметил удивление своего товарища и, узнав причину, охотно приписал в конце письма привет от Николая Масина.

После войны Николай Павлович как-то встретился с Мазиковой и напомнил ей: не получала ли она письмо с приветом от него? Да, Клава письмо получила. Но Масин давно потерял её след. Потерялась и единственная ниточка, которая могла бы привести к довоенному Павлу.

Теперь я ходил с одной мыслью и на вопросы друзей, чем я занят, шутливо отвечал: «Ищу Клаву Мазикову». Именно так я и озаглавил письмо в редакцию «Северного рабочего». В день выхода газеты рано утром раздался телефонный звонок из Ярославской городской дезинфекционной станции. Я удивился, почему меня спрашивают из столь деликатного учреждения. Даже не подумал, что звонок связан с моей заметкой. Но именно там, на дезинфекционной станции, работает та, кого я искал.

Теперь у Клавдии Матвеевны Мазиковой другая фамилия. Давно миновала её молодость. Но кто из нас не помнит чистую юношескую дружбу? С большим уважением рассказывала она о Павле Проворове. И не только она. В кабинете главного врача собрались Анна Николаевна Тронова, Ольга Николаевна Киселёва. Все они вместе учились с Павлом в 1941 году на областных годичных курсах дезинфекционных инструкторов. К сожалению, женщины не помнят, из какого района приехал Павел на курсы. Павел сам запутал за собой след, придумав, что он воспитывался в детском доме. Подруги по учёбе вспоминали, что он рассказывал о большой семье Проворовых в деревне.

Когда эта рукопись уже готовилась к печати, я получил письмо из Рыбинска от Е. Н. Викторовой – медицинского статистика городской санитарно-эпидемиологической станции. Евгения Николаевна помнит, как вместе с Павлом Проворовым она работала в селе Гаютино бывшего Ермаковского района Ярославской области. Назвала она и место, где когда-то жила семья Павла Проворова: деревня Ильмовик Мусорского сельсовета бывшего Ермаковского района (теперь Череповецкий район Вологодской области).

Письмо из родных мест Павла завершило мои поиски. Действительно, семья, в которой он вырос, была большая: кроме него, три брата и две сестры. Родители скончались совсем недавно, но фамилия Проворовых живёт и здравствует. Ещё работает в Мусорской средней школе и бывшая учительница Павла – Елена Ефимовна Зайцева. Она сообщила, что пионерский отряд её класса носит имя Зои Космодемьянской. Зоя и Павел сейчас как бы незримо встретились в лесном вологодском селе Воскресенском. «Я горжусь своим бывшим учеником, что он был настоящим защитником Родины», — пишет Елена Ефимовна. И автор этих строк мог бы быть доволен своим долгим поиском, если бы нашёл предвоенную фотографию Павла. К сожалению, у родственников его сохранились только выцветшие снимки детских лет.

Письмо в газете помогло мне встретиться с Дмитрием Ивановичем Лещевым – работником управления Северной железной дороги. Он в одной группе с Проворовым уезжал из Ярославля. Дмитрий Иванович уточнил чисто участников этой группы. Борис Крайнов сопровождал в Москву 35 добровольцев. Список до сих пор не восстановлен. Лещев назвал мне ещё одного человека, воевавшего в тылу врага под Москвой, — Сергея Васильевича Виноградова. Он был так же молод, как и его товарищи. До войны Сергей окончил семь классов в школе №4 города Ярославля и около двух лет работал на автозаводе слесарем в сборочном цехе. Виноградов прошёл долгий партизанский путь и погиб в Брянском лесу 15 октября 1944 года.

Мне хочется перечислить всех, чьи имена стали известны в результате поисков: Проворов Павел Сергеевич, Виноградов Сергей Васильевич, Лещев Дмитрий Иванович, Колесников Иван Егорович (Ярославль), Смирнов Иван Григорьевич (Песочное на Волге), Масин Николай Павлович, Красавин Александр (Ростовский техникум механизации сельского хозяйства), Голосов Алексей (деревня Олехово, бывший учащийся Малаховской школы), Емельянов Иван (Гаврилов-Ямский район), Прохоров Владимир (Ярославль), Баскаков Валентин (Ярославль).

Много замечательных неожиданностей подстерегает того, кто изучает историю минувшей войны. Эхо дальних событий нет-нет да и зазвучит с новой силой. Сколько раз перечитывал я небольшую записочку в старой подшивке «Правды» за 1943 год: «Действующая армия. 27 октября (по телефону). Части энского соединения добивают в ожесточённых боях остатки 197-й немецкой пехотной дивизии, офицеры и солдаты которой замучили и убили отважную партизанку Зою Космодемьянскую...»

Кто они, эти энские воины? Как расправились они с палачами? И вот в театре имени Ф. Г. Волкова собрались ветераны Ярославской коммунистической 234-й стрелковой Ломоносовско-Пражской орденов Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии. Бойцы вспоминали минувшие дни, походы от Москвы до берегов Эльбы. Сколько было разговоров, встреч! Бывший комиссар дивизии М. П. Смирнов спрашивал: — А помните, дорогие друзья, бои под Ломоносов на Смоленщине? Помните

листовку, напечатанную в нашей полевой типографии: «Перед нами убийцы бессмертной Зои. Ни один из таких палачей не имеет права на жизнь. Нет места этим палачам на земле. Они пытаются сопротивляться, но им не уйти от расплаты, не уйти от нашей мести! Во имя нашей Зои, во имя счастья на земле – смерть проклятым палачам!» Эту листовку, как клятву, хранили наши бойцы в кармашке гимнастёрки, над сердцем, с ней шли в бой.

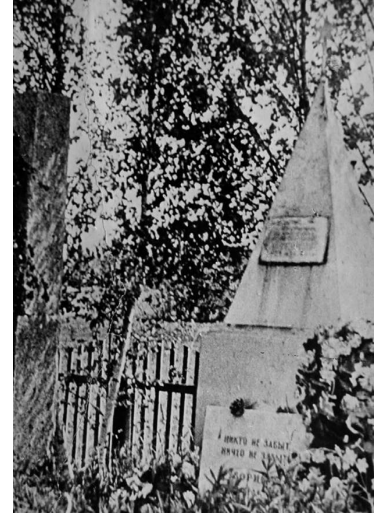
И последовали рассказы, воспоминания... Как-то на участке ярославской дивизии в плен был взят немецкий перебежчик. Сдался он оригинально. Бойцы заметили ошалевшего солдата, бежавшего с вражеской стороны и кричавшего во всё горло: «Русь, сдавайсь!» Ретивого вояку сбили с ног и тут он сказал, что кричит «для маскировки», чтобы не подстрелили свои.

На допросе в штабе дивизии пленный говорил, что от 332-го пехотного полка, солдаты которого замучили Зою, почти ничего не осталось: убит и командир его подполковник Рюдерер, и палач, набросивший петлю на шею русской партизанки. А все части 197-й дивизии сведены в один полк, который еле удерживает занимаемые рубежи.

«Энскими воинами» оказались наши земляки, ярославцы. Они отомстили за смерть советской героини.

Поиски материалов об отряде Бориса Крайнова, конечно, привели меня к местам былых партизанских походов. В Петрищеве я нашёл очевидцев Зоиной казни. Не пришлось, однако, побывать там, где похоронен Борис Крайнов. Армейский период его жизни остался почти не выясненным. Из архивных документов 125-й гвардейской Уманской Краснознамённой орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии удалось узнать очень немного: что Крайнов служил во 2-м воздушнодесантном гвардейском стрелковом полку, командовал отделением в шестой роте и погиб в бою за деревню Кошельки Ленинградской области 5 марта 1943 года. Вот и всё.

Цела ли его могила? Напоминает ли в деревне Кошельки хоть что-нибудь о Зоинем командире? С надеждой выяснить всё это я поместил в ленинградской комсомольской газете «Смена» статью о Крайнове, закончив её словами: «От имени своих земляков – ярославцев я обращаюсь к ленинградским комсомольцам с просьбой найти безвестную могилу бывшего командира партизанского отряда, в котором сражалась Зоя Космодемьянская, и увековечить память Бориса Крайнова».

Памятник на могиле Б.
С. Крайнова
в селе Ефремово
Старорусского района.

На мой отзыв откликнулись пытливые и настойчивые учащиеся 118-й школы города Ленинграда. Они сообщили мне о своей большой работе: «Долго мы искали эту деревню Кошельки, — писали пионеры. — По новому делению после войны она отошла к Новгородской области, другой такой деревни в Ленинградской области не существует. Правда, есть «поблизости» ещё Кошельки, но они всегда входили в Псковскую область. Эти данные нам удалось получить в картографическом отделе Академии наук. Чтобы поехать на место, достали машину. Нам помог заместитель командующего Ленинградским военным округом. Желающих поехать много, но мы задолго до поездки решили, что поедут лучшие пионеры. Надо думать, как мы старались учиться! А перед походом в столярной мастерской оставаясь после уроков, своими руками делали военный памятник с красноармейской звездой. Наконец настал долгожданный день. Мы - в машине. Прибыли в Ефремовский сельсовет Старорусского района Новгородской области, но деревни Кошельки там не нашли. К счастью, в совхозе «Великое село» мы повстречали парторга Петра Александровича Васильева - старожилу этих мест. Он-то нам и рассказал историю деревни Кошельки. Ещё в 1943 году её дотла сожгли фашисты. Было в деревне всего пять домов и мельница, и стояла она недалеко от речки Порусье. А по берегу как раз проходила немецкая линия обороны. Деревня Кошельки переходила из рук в руки. Гитлеровцы цеплялись за неё, так как здесь была единственная дорога к Старой Руссе. В 1943 году недалеко от Кошельков спустился на землю советский воздушный десант, среди бойцов находился бывший партизан Борис Крайнов. Десантники внезапно напали на гитлеровцев и

выбили их из деревни.

Местность вокруг Кошельков долго оставалась заминированной, полностью её очистили от мин только в 1952 году. Тогда же все останки погибших бойцов были перевезены в Ефремово и погребены недалеко от дороги, которую защищал Б. Крайнов и его товарищи-десантники. Там мы поставили свой скромный памятник, прикрепив мемориальную дощечку с надписью: «Здесь похоронен Б. Крайнов – командир партизанского отряда, под руководством которого сражалась Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская. Б. Крайнов погиб 5 марта 1943 года

Вечная память герою, отдавшему жизнь за нашу Родину, за наше счастливое детство». «Никто не забыт и ничто не забыто» — эти слова обретают живую плоть. Многие пионерские отряды на родине партизана носят его имя. А недалеко от станции Лютово на высоких воротах красуется надпись: «Пионерский лагерь имени Бориса Крайнова». Рядом с мачтой, на которой летом каждое утро взвивается красный флаг, висит портрет партизана. Вместе с ним пионеры начинают свой лагерный день и вечером с достоинством отчитываются о своих делах: «Мы – крайновцы...»

Так расширяется круг Зоиных товарищей. Это не только близкие её друзья и сверстники, это и ярославские воины, отомстившие фашистам за смерть партизанки, это и сегодняшние пионеры, которые приняли в наследство от старшего поколения эстафету мужества. К ним, юным, обращается автор с этой документальной повестью.

НА РЕКЕ ВЕЛИКОЙ

Мать Бориса
Александра
Васильевна.
Снимок 1968
года.

Она зовётся гордо – Великая. В летний день солнце просвечивает её до дна, на котором виден каждый камушек. Мальчишки переходят её вброд. И только в бочагах, уйдя в тёмную глубину, таятся щуки. Они снятся по ночам деревенским ребятам. И когда мощная рыбина вскинется над водой, у них сладко ёкает сердце. Спросите у тех, кто сидит с удочкой на песчаной отмели: не в насмешку ли назвали Великой рекой скромный ручеёк? Они обидятся:

— А вы бывали у нас весной? – и хитро прищурят глаза. – А, не бывали? Вот побывайте, тогда и узнаете... В разлив, в половодье хоть на пароходе поезжай!

Но поскольку пароходов «негде взять», мальчишки обычно довольствуются корытом или тяжёлыми дверями от сарая. По обоим берегам реки растут редкие кусты ивняка. Гибкие ветви наклонились к воде и словно прислушиваются, что интересного происходит на дне бочага. На открытых солнцу лужайках белеют ромашки, желтеют звёздочки куриной слепоты. Над мелким луговым клевером подняли головы одуванчики. Дунет ветерок посильнее – и полетят парашюты-пушинки, покрывая поверхность реки пуховым белым платком.

Недалеко от деревни Синдяково, свесив ноги в воду, худощавый мальчик с каштановыми волосами учит своего «тёзку» — кота Ваську ловить рыбу. Маленькие плотвички поблескивают серебряными боками меж камней. Кот видит аппетитных рыбок и нервно помахивает распушившимся хвостом.

— А ты их лапой, лапой!

— Не мешай Ваське, он сам умеет, — наставительно говорит рыболову его брат Боря. Внешне они ничем не похожи друг на друга. У Бори белесые, совершенно выгоревшие на солнце волосы. И глаза тоже, кажется, выцвели. Они сейчас не голубее, чем вода в речке. Боре десять лет, но ему кажется, что он старше своих сверстников, и держится с ними покровительственно.

— На жарёху хватит! – заключает Боря, наклонившись над жестяным ведёрком, где плавают несколько густёрок, плотвиц и неведомо как попавшийся на крючок язь. С порога дома, сверкающего голубыми наличниками, доносится голос матери. Она зовёт обедать. Неужели так быстро пролетело утро? Не хочется уходить...

За столом собирается вся семья Крайновых. Щи едят по-старинному, из одной большой миски. Начинает трапезу отец, колхозный столяр Сергей Филиппович. Рядом с ним сидит старший сын Анатолий, напротив Фёдор и Владимир. Везде, даже за обедом,

неразлучны самые младшие. Вася на несколько лет моложе Бори и везде следует за ним как тень.

Мать Александра Васильевна, подвижная сухонькая женщина, почти не сидит на месте, снуёт от русской печки к столу, поглядывая на своих сыновей. Хорошие у неё ребята: ни одного грубого слова не скажут! Правда, сейчас больше всех доставляет хлопот и беспокойства Боря. Обуяла его строительная лихорадка. Привезли тес для отцовских поделок, а он, глядишь, уж возводит из досок крольчатник. Куда их, этих кроликов! Испокон веков считали, что они приносят в дом только несчастье. Но у Бори своё мнение: видимо, вычитал где-то, что кролики – самая доходная статья животноводства, — и он обязательно хочет развести домашних зайцев. А купи ему игрушку – тотчас разломает. Привёз отец с ярмарки деревянную тройку – не нагладишься! Лошадки на колёсах – только разъезжай по избе! Нет, роль кучера не для Бори. Куда интереснее: из чего сделаны лошадки, отвинчиваются ли колёсики? И вот тройка распряжена и раскована. Боря идёт в сарай и на отцовском верстаке начинает сколачивать тройку заново. Дощечка, на которой стоят лошадки, от большого гвоздя лопается. Не беда! Теперь Боря и сам сделает такую игрушку. Недаром же отец называет его мастером на все руки. Найдёт Боря подходящую железину – и готов ножик. Несёт его не кому-нибудь, а матери: «На, пригодится в хозяйстве!» — скажет он, копируя отца. А то мастерит тайком самопал. К оружию у Бори особая страсть. Однажды Александра Васильевна взяла Борю в город и не заметила, как сын купил в ларьке игрушечный пистолет. Едут домой на телеге, а мальчик прячет под рубашкой свою покупку. Долго мать бранила Борю, словно чувствовало её сердце, что с таким опасным увлечением может случиться беда. Так оно и вышло. Как-то осенью родители собрались в гости. Анатолия послали на колхозную конюшню запрягать лошадь, а Борис воспользовался отлучкой старших и убежал в лес. Ещё утром на рябине заметил Боря стаю дроздов. Взыграло в нём охотничье чувство. Взял свой самопал – и в засаду. Медную трубку до отказа набил порохом, к боковому отверстию приладил спичку и стал обстоятельно целиться. Спокойные птицы, не чувствуя беды, поклёвывали горькие ягоды. Не ждал опасности и Боря. Когда грянул выстрел, трубку разорвало, огонь хлынул в лицо. От пороха оно моментально стало рябым, покрылось мелкими синими пятнышками. Но этого Боря не видел. Он с ужасом заметил, что большой палец на правой руке болтается. Боли вначале не почувствовал, лишь тупо смотрел на чёрный болтающийся палец. С криком: «Я руку отрубил!» — мальчик вбежал на крыльцо. Вся рубаха была в крови. Родители только что уехали. Старший брат Анатолий при виде окровавленного Бори не растерялся, обвязал руку чистым полотенцем, бегом кинулся на конюшню, запряг первую попавшуюся лошадь и отвёз Бориса в Ярославль. В больнице палец спасли, со временем он хорошо сросся.

После этого случая Борис повзрослел. Всю свою страсть теперь он обратил на помощь

отцу: вертел колесо небольшого токарного станка, строгал пахучие сосновые доски, укладывал в поленницу дрова вдоль невысокого забора.

Он совсем забыл своих товарищей.

Но когда над Великой рекой закружились белые мухи, Борю потянуло к ребятам. Вспомнил он и о самодельных лыжах, стоящих в распорках на повети, осмотрел их. Вася, издали наблюдая за своим любимым братом, завидовал ему: у Васи лыж не было. Только об этом не забывал и Боря. У него давно сушились две заветные берёзовые дощечки. Боря уже видел самодельные лыжи на Васиных валенках, но его смущала одна технологическая хитрость – как выдолбить желоб на скользящей плоскости. Не хотелось обращаться за помощью к отцу, чтобы сохранить в тайне готовящийся подарок. Перебирая ящик с инструментами, Боря наткнулся на полукруглое долото. Отец им никогда не пользовался. И вот Боря, боясь испортить берёзовую заготовку, приступил к делу: укрепил лыжину в зажимах столярного станка и медленно, осторожно стал выдалбливать лунку. Первая дощечка подавалась легко, и прямой неглубокий желобок пересёк её из конца в конец. Правда, носовая часть лыжины не очень-то круто поднималась вверх, но Боря был доволен своим изделием. Со второй лыжиной не заладилось. В дощечке встречались сучки, они не хотели сдаваться и вместе с собой захватывали пласты древесины. Поверхность получалась шершавой, и напрасно Борис пытался зашкурить изъяны – лыжина царапала ладонь. Другой заготовки не было.

За рекой в селе Климовском жил известный среди мальчишек драчун Вася Боронов. У него в прошлую зиму сломалась одна лыжина, а значит, вторая лежала без всякой пользы. Не пойти ли попросить? Но синдяковские и климовские ребята находились в извечной вражде. Нет, на сделку с совестью Боря не пойдёт! Лучше уж отправиться на поиски новой берёзовой доски. Говорят, когда человек ищет, то всегда найдёт. Борис обошёл все соседские огороды, облазил сеновалы и колхозную конюшню, — ничего подходящего. А зима набирала темпы. Подул холодный ветер, сковал грязь на проезжей дороге, закрутил позёмку. Не прошло и двух дней, как Синдяково преобразилось. Посверкивали белые крыши. Опушились ветки бузины. После серых осенних красок просветлённая первой порошей деревня помолодела. А воздух такой, словно пьёшь ключевую воду.

Борину тревогу, озабоченное выражение его лица давно заметил отец. Старый столяр по валявшимся у верстака стружкам догадался о Бориной неудаче. Сделать лыжи – и для опытного мастера задача непростая. Сергей Филиппович отыскал и припрятанные сыном незадавшиеся лыжи. Нет, и он помочь не в силах. «Правда, — подумал отец, — сам Боря давно заслужил настоящие, покупные лыжи, а Вася может покататься и на старых самоделках». Поэтому и заторопился в Ярославль Сергей Филиппович, хоть жена и ворчала, что он зачастил без нужды в город.

Солнечным морозным днём в избе сладко запахло лаком и кожаными ремнями. Боря и Вася были в школе. Когда они вошли с улицы домой, сразу по таинственным лицам отца и матери догадались о каком-то значительном событии. Боря повёл носом, и резкий запах лака выдал, что в доме новые лыжи. Он не столько обрадовался, сколько огорчился: его подарок Васе так и не состоится. Отец вынес из кухни длинные, коричневого цвета лыжи и с улыбкой на всегда бледном лице протянул Боре дорогой гостинец:

— На, помощник, побивай рекорды! А свои лыжи передай Васе.

Но Боря неожиданно заупрямился. Он всегда был несговорчив, когда у него что-то не получалось.

— Я эти лыжи не возьму, пусть на них ездит Васька, а у меня и свои хорошие!

Но здесь заупрямился Вася. Ему, видите ли, лыжи совсем не нужны. На самом деле младший брат понимал, что новенькие лыжи должны принадлежать Боре. А тот, ещё не снявший пальто, порывисто вышел в сени, загремел своими тяжёлыми самоделками, и вскоре его фигура замаячила в окне. По снежной целине Боря отмахивал к синеющей вдаль роще. Горько было на душе. Конечно, на новых лыжах он обогнал бы любого климовского мальчишку. Но почему Васе должно доставаться всё старое: пальто он носил после Бори, в школу надевал костюмчик, из которого вырос Боря. Вот если бы удалось сделать новые лыжи. Почему он не заготовил три досочки? Эх, растяпа! А что, если новую лыжину использовать как запасную, на случай поломки? Это уже что-то значит. Лыжи с запчастью! Такой подарок не обидит Васю. Брат поймёт, что он хотел сделать ему добро.

Стыдно Боре возвращаться домой. Вот всегда он такой: вспылит, нагрубит, а после отойдёт и страдает.

Дома уже обедали. Отец хмуро взглянул на Борю, но ничего не сказал: по виноватому виду сына он понял, что парень принял своё решение. Сергей Филиппович любил самостоятельность сыновей, а уж Боря с Васей всегда найдут общий язык и поладят. Конечно, поладят. На другой день после школы братья сделали первую вылазку на лыжах. Боря решил сразу приучить Васю к дальним переходам и наметил маршрут: до села Лучинского и обратно. А село это находилось не так-то близко.

Выехали после обеда. На землю падал быстрый косой снег. Под ногами шныряли белые змейки. Дуло в спину. Так идти на лыжах легко. Пальто, словно парус, помогает двигаться. Боря ступает широким шагом, в такт работая палками. Его братишка, кажется, торопится, семенит, а подвигается не споро. Валенки – то один, то другой – выскакивают из ременной петли. Тогда лыжина убегает вперёд, и Вася, проваливаясь в снег, припрыгивая, догоняет её. На резиновом упоре замерзает лёд. Вася сколачивает налесь острием палки. А Борина спина маячит уже где-то на бугре. Видимо, старший брат увлёкся и не оглядывается. Это обижает и беспокоит Васю. Он сердито кричит:

— Б-о-орька, обожди...

Голос его тотчас гаснет в снежной пелене. Боря слышит, но не показывает вида: пусть братишка привыкает к лыжам! Сам Боря нисколько не устал, только щёки горят. Ему хочется петь. И он выкрикивает слова любимой песни: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор...». И Боря представляет себя не лыжником, а лётчиком, спешащим на помощь полярникам. Его самолёт окутывает снежная мгла, и вот впереди что-то чернеет. Что это? Лагерь зимовщиков? Нет, заброшенный сарай с провалившейся крышей, над которой белым костром дымится снег. Боря всматривается вперёд и видит знакомые очертания села Лучинского с белой колокольной церкви, сейчас почти неотличимой на белом фоне. Вот так быстро он «преодолел пространство»! А где же Вася? Оглядывается – за спиной никого. Ветер резанул по лицу. Мальчик не на шутку встревожился. Высоко вскидывая лыжи, он круто повернулся на месте и бросился назад по своему следу.

Теперь идти стало труднее. Ветер точно упирался в грудь лыжника и не пускал его. Белые змейки под ногами исчезли, а по земле стлалась сплошная снежная лава. Лыжный след еле угадывался, а местами был совсем перемертён, и Борис шёл наугад. Быстро темнело. Наконец, вдали Боря увидел фигуру присевшего на сугроб человека, ускорил шаг и что-то прокричал Васе весёлое и одобрительное. Видимо, тот не услышал и не ответил на голос брата. Когда же, разгорячённый, выгребая лыжами пласты снега, он приблизился к сидящему, то вместо Васи увидел большой пень, точнее, обгоревший ствол старой берёзы. Такого дерева Боря не встречал никогда. Значит, он заблудился и потерял Васю? Боря кричал, но голос его бесследно тонул в потемневшем заснеженном поле. Что делать? Вернуться в Лучинское и объявить тревогу, позвать людей на розыски? Нет, он, Боря, должен сам искупить свою вину. Вот сейчас надо вернуться назад, не отклоняясь от своего следа. Найти лыжню! Хотя по ней и не часто ездят деревенские мальчишки, но лыжня довольно твёрдая. Боря повернул обратно. Свежий след его лыж был хорошо виден, только на взлобке перемертён ветром. Тут Боря огляделся по сторонам и вспомнил эту горюшку. В ясную погоду с неё просматривается поле до самой деревни Синдяково. И Боря уверенно скатился с возвышенности. Мальчишки любят съезжать с неё, проверяя свою ловкость и умение держаться на ногах, когда преодолеваешь «прискоки» — ступеньки, сделанные из снега. Здесь лыжня глубоко выбита. Борис подумал: «Как же я не заметил лучинских прискоков?» Теперь-то он на правильном пути! И Боря ускорил шаг, не замечая, что щёки его уже перестали гореть. Казалось, вообще и щёки, и пальцы рук, недавно легко побаливавшие, отделились от него. Боря пытался кричать брату, но голос раздавался слабо, хотя и слышалось, что кто-то негромко откликается. И верно, впереди чернело пальто, брошенное на снег. Может быть, это снова пень? Нет, лежит человек.

— Васька, что с тобой? - испуганно спросил Вася и бросился к брату. - Ты замёрз? -
Ответа нет. Вася спит. Боря расталкивает лежащего мальчугана. Тот неохотно
приподнимается.

— Ты замёрз?

— Нет, мне тепло, — и Вася клонится к земле.

— Нет уж, друг, так не пойдёт, — ворчит старший брат и трёт Васины уши снегом. Из
белых они моментально превращаются в пунцовые. Васе больно, и он открывает глаза.

— Оставь меня в покое, чего ты пристал?

Но Боря расталкивает незадачливого лыжника, уже весёлый, берёт его подмышки и
ставит на ноги.

— Поезжай за мной! - командует Боря.

Теперь ведущий часто оглядывается, подбадривает брата, а тот вяло, с поникшей
головой переступает на лыжах. Да, Вася выбился из сил! То и дело он опускался в
сугроб, а Боря сердито тормозил брата за воротник. Наконец, Вася слабо прошептал:

— Ты поезжай, Боря, поезжай. Я дорогу знаю, догоню тебя...

«Нет, оставлять его одного нельзя! Замерзнуть, так вместе», — думает Борис и
решительно встряхивает Васю. Лыжи соскользнули с Васиных ног. Борис воткнул их в
сугроб и скомандовал брату:

— Ну, садись на закукорки!

Вася не хочет, сопротивляется. Боря хватает его за руки и втаскивает себе ан спину.
Лыжи сразу же глубоко оседают в снегу. Но Боря медленно, перегнувшись вперёд, с
тяжёлой ношей на плечах двинулся к дому.

Вот когда стало жарко! По лицу и по спине - Боря чувствовал - потекли струйки пота.
Несколько раз он сваливал Васю на землю, растирал ему лицо снегом и спрашивал:

— Ноги слышишь? Пошевели пальцами!

— Шевелятся, — слабо отвечал Вася, и тут же глаза его смыкались.

Радостно забилося у Бори сердце при виде плетней родной деревни. Когда он доехал до
прогона, по которому летом выпускают скот на пастбище, Боря хотел оставить Васю,
чтоб позвать взрослых. Но тут же отбросил эту мысль: уж очень испугается мама, если
он вернётся домой один, без брата. И вот последние, самые тяжёлые шаги пути. В
голове звенело, ноги дрожали, а Вася стал словно бы ещё тяжелей. У крыльца Боря
остановился, бережно опустил брата на ступеньку и сел рядом с ним.

— Ну, что, Васька, жив? Да не спи ты, непутёвый! Мы уже дома.

В крыльце хлопнула выходная дверь, и на улицу в накинутом полушубке вышла
Александра Васильевна.

— Где вас леший носил? - напустилась было она на сыновей, но поняла, что случилось
что-то неладное. Ей бросились в глаза фарфоровые щёки Бориса. Вася, как ни странно,
сидел на крыльце розовый, точно выскочивший из бани: видимо, сказала Борина

забота о нём в пути.

Александра Васильевна схватила пригоршню снега и бесцеремонно стала растирать им Борино лицо и уши. Мальчик отворачивался, пытался вывернуться из цепких рук матери, но силы его оставили, и он мог только в лад движению материнских рук мотать головой.

— Ну, хватит бодаться! - улыбнулась Александра Васильевна. - Марш на печку!

— Это из-за Васьки, — пробормотал Боря, — один бы я не обморозился.

Пурга расходилась не на шутку. Утром Боря глянул в окно и присвистнул: вся деревня утонула в сугробах. От соседней приземистой избы виднелась только крыша и труба, из которой вылетал тёмный дым и тут же стлался по снегу, пригибаемый ветром. Отец и старший брат Анатолий рыли от крыльца траншею к дороге и к воротам скотного двора. Как белые голуби, вспархивали с лопат комья снега и таяли в воздухе. Ещё не совсем рассвело, и Боря соображал: сколько же сейчас времени? Мать, похоже, истопила печь, ибо в избе пахло выкипевшими щами и пряженцами. Эти вкусные пряженцы - пальчики оближешь! - мать пекла обычно на угольях и складывала в большую миску. Миска стояла ещё на шестке. Значит, взрослые не завтракали. Вася посапывал на печи. Борис растолкал его:

— Хватит нежиться. В школу пора!

Но Вася промычал что-то неразборчивое и повернулся на другой бок. В избе стояла необычная тишина. Все куда-то разошлись, только в загородке на кухне почмокивал маленький коричневый телёнок с белой звёздочкой на лбу, родившийся три дня назад. Гремя подойником, вошла мать. Впереди неё в комнату хлынул белый морозный пар. Александра Васильевна порозовела и чему-то улыбалась: видимо, довольна надоем. Ведь корову купили осенью, стельную, и не знали, как будет она давать молоко. Боря потянул носом, из ведра шёл удивительно тонкий запах. Мать заметила, как сын тайком облизнулся, и позвала его на кухню.

Александра Васильевна налила своему любимчику полную кружку парного молока и подала вместе с сочным горячим пряженцом.

— Поешь и поди помоги отцу!

— А как же в школу? - забеспокоился Борис.

— Кто же в такую погоду в поле выходит?

— Нет, пусть Василий помогает папе, а я - староста класса. Мне пропускать нельзя. Да вон и мальчишки едут! - воскликнул Боря, увидев в окне запорошенные снегом фигурки лыжников.

А в Цеденевской начальной школе стояла ещё утренняя тишина. Алексей Иванович Сироткин - высокий худощавый мужчина - выйдя из своей квартиры, тоже решил почистить дорожку к школьному крыльцу. Недавно он работает здесь заведующим, но успел полюбить и это одноэтажное бревенчатое здание, и низкий штакетник,

окружающий школьный участок, и ребятишек, по-деревенски любопытных, с их певучим говором. Сначала заведующему резало ухо, когда ребята звали его по отчеству «Иваныч». Сколько ни бился он, лишь в стенах школы ученики достаивали его полным именем, а работают, положим, на школьном огороде, то и дело спрашивают: «Иваныч, а как помидоры пасынкуют?», «Иваныч, а морковь надо разреживать?».

Только улыбнётся Сироткин: нет, домашнюю привычку деревенских ребят сразу не искоренишь. Да и столько любви слышалось в этом распевном «И-ва-ныч», что ребята обезоруживали своего заведующего.

Пожилая уборщица уже прибрала классы и вышла на подмогу Сироткину.

— Напрасно стараемся, Иваныч! Ишь, какая завируха в поле. Не придут наши ребятишки.

Но они пришли. В одиночку и небольшими группами. Закутанные в материнские платки, в подшитых валенках, в поношенных овчинных шубейках. Весело перекликались, здоровались с заведующим и тётёй Дашей. Кто-то уже тащил деревянные лопаты разгрести снег. Собрались почти все. Последними явились климовские. Не было только семерых, синдяковских. Деревня, в которой жил Боря, — самая отдалённая от школы. Алексей Иванович подумал, что синдяковские ребята не придут и послал уборщицу открыть классы и дать первый звонок. Не успел, однако, прозвенеть колокольчик, как на опушке леса появились семь маленьких лыжников. До школы оставалось ещё не меньше километра. Снег был непримятый, глубокий.

Впереди всех ребят широким шагом шёл Борис. Он всю дорогу прокладывал лыжню и подъехал к школьному крыльцу разгорячённый, с расстёгнутым воротником шубейки. Синдяковские ребята опоздали всего лишь на десять минут.

Днём, в большую перемену, когда по классам уже разнесли железные миски с горячим супом, в коридоре произошла ссора климовских ребятишек с синдяковскими. Они соперничали во всём. Сегодня климовские ходили героями, посмеивались, что без лыж добрались в школу раньше соседей.

— Гонщики!

— Черепахи! - выкрикивали задиры.

Это была обидная полуправда. Климовские, верно, пришли без лыж, и пришли раньше, но только потому, что их подвёз на санях председатель колхоза, ехавший по делам в город. Боря узнал об этом и на правах старосты потребовал прекратить перебранку.

— Тоже всадники! - добавил он.

Эту сценку из дверей учительской наблюдал Алексей Иванович Сироткин и слышал, как климовские уговаривались побить синдяковских мальчишек.

Заведующий заинтересовался: что же будет дальше? После занятий, выйдя из школы раньше своих соперников, климовские остановились на опушке леса. Как только

синдяковские лыжники приблизились к ним, ученик четвёртого класса Вася Боронов набросился на одного паренька и кулаками начал его дубасить. Боря вступился за товарища, но тут и на него посыпались удары. Тогда он сбросил лыжи, снял сумку и вышел «на любачка» с Васей, отъявленным забиякой. Боря так ловко и остервенело наносил удары сумкой, что вожак климовских отступил. Погас задор и у остальных. На этом и кончилась схватка.

На другой день Алексей Иванович вызвал драчунов в учительскую и заставил объяснить, что произошло на опушке леса.

— Я никогда первым не начну, — сказал накупившийся Боря, — но своих, синдяковских, в обиду не дам...

Быстро мелькают зимние деревенские дни. У взрослых свои заботы, у подростков — свои. За семейным столом отец рассказывает, как третий день он чинит свинарник. Кормов на зиму колхоз запас маловато, и прожорливые свиньи бушуют в своих стойлах, разбивают станки.

— Я приколачиваю доски, а сам посматриваю, как бы хряк мне руку не отхватил.

— Полно, отец, небывальщину-то говорить! Да и что проку от твоих рук — одни кости, — смеётся Александра Васильевна. У неё всю зиму хорошее настроение. Такая ли ладная удалась коровёнка, но на всю большую семью молока даёт, да и на продажу остаётся. Старший брат Анатолий чаще всего пропадает на конюшне и за обедом с упоением перечисляет масти лошадей: каурый, вороной, соловый... А Боря и Вася уже нахлебались щей и ждут сигнала, когда отец постучит ложкой по миске и можно вылавливать мясо. Сегодня надо подкрепиться получше: за селом будет решительное сражение. Синдяковские ребята возвели снежную крепость, а заречные климовцы придут атаковать.

Крепость сделана коварно. Накануне вечером в темноте ребята облили подступы к ней водой, а утром ледяные подходы засыпали снежком.

Строительством крепости руководил Боря, ему помогали братья Фёдор и Владимир и, конечно, неразлучный Вася. Четверо Крайновых и соседние ребята залегли в крепости. Они накатали заранее снежков. Противника ждали недолго. Климовцы шли на крепость двумя цепочками. Боря уже весело представлял, как заречные вбегут на крепость, поскользнутся и покатятся вниз. Но что это? Впереди шествуют климовские парни. «Они-то зачем? — спрашивает себя Боря. — Их никто не приглашал для военной игры». Климовцы обходят снежную засаду с обеих сторон. В руках у парней длинные колья. Соседи задумали что-то нехорошее. Уговаривались драться снежками. Боря уже не улыбается, а зло хмурится.

— Приготовиться к бою! — кричит он.

В ответ климовцы замахали палками и с тыла побежали к снежной крепости. Боря и его товарищи бросили несколько снежков, но увидели, что дело плохо, и кинулись к

завалу. Перескочили через него, и тут произошло совсем непредвиденное. Забыв в горячах, что скат крепости облит водой, отступающие падали на лёду и вповалку летели вниз. Климовцы улюлюкали, ворвались в крепость и кольями стали разрушать снежные стены. Боря со слезами на глазах видел, как рушилось его многодневное творение. Видимо, климовские разведчики заранее узнали Борин план, и он позорно провалился. «Да и сами хороши, — думал Боря, — трусили, палок испугались». Но пройдут годы — и Боря узнает, что вовремя отступить тоже стоит иной крупной победы.

Наступила весна-капельница. Вася наелся сосулек и болел. Боря сидел с ним на печке и читал брату вслух «Школу» Гайдара. За окном ослепительно искрился снег. Боре хотелось на волю, хотелось вскочить на коня и скакать с важным известием куда-нибудь в штаб Буденного, чтобы выволить из беды красного бойца. Эх, не поймёт Васька, что опоздали они к самым важным делам на земле! Вот снова он закрыл глаза и посапывает. Видимо, температура поднимается.

Без брата на улице скучно, к тому же и валенки намокают. Поневоле сиди дома. Жди, когда Анатолий выполнит своё обещание склеить галоши из красной резины от камены. В таких мокроступах весна нипочём. Может быть, он, Боря, сам сумеет смастерить галоши? И вот в руках уже ножницы. Мелом размечены ступни. Боря приступает к делу. Но вовремя появляется старший брат. Он кидается к столу, вырывает из рук Бориса пласт резины.

— Ты что задумал? Без галош хочешь остаться? — кричит Анатолий. — Бить тебя некому, Борька!

— А ты на меня не набрасывайся! Сейчас же садись и крои! Я ни на шаг не отойду. — Боря упёрся кулаком об стол. Его голубые глаза сверлят брата. Два пшеничных колоска на бровях сошлись в одну линию. Анатолий смущённо улыбается:

— Ну, чего ты ерошишься? Сделаю завтра.

— Нет, будешь клеить сейчас! Я помогу...

— Помощничек... — ворчит Анатолий, чувствуя, что Борька не отступится от него. — Ладно, тащи клей.

Лиха беда начало. Вечером при свете керосиновой лампы Анатолий торжественно рассматривал свою поделку. А наутро Боря уже форсил по деревне в красных калошах, напоминая гусака. Он ходил медленно и вразвалку, ибо валенки скользили по наледи. В маленьких радостях и огорчениях протекали дни. Будет время — Боря вспомнит о них с чувством грусти и тепла, как о самой золотой поре своей жизни.

Прозвенел последний звонок в начальной школе. Борис закончил четвёртый класс и мог бы спокойно отдаться детским развлечениям, но при школе имелся земельный участок. Выпускникам не обязательно работать на нём. Но Боря прошлой весной был бригадиром и знал, как одним третьеклассникам трудно управляться с посадкой

овощей. Вот он и обратился к своим одноклассникам: поможем школе! Здорово обрадовался Алексей Иванович этой затее ребят. Устроили большой субботник. Сироткин объявил, что в честь такого важного события он пригласил в школу фотографа. Ударники будут сфотографированы. Для деревенских ребят приход фотографа – целое событие. Поэтому все старались не отстать друг от друга: весело копали гряды, рыхлили граблями землю. На память о прощании со школой задумали посадить берёзки перед окнами. Боря вызвался пойти в лес и выкопать самые стройные деревца.

Борис стоит первым справа.

Когда пришёл фотограф с большим ящиком и чёрной шалью, ребята взяли в руки по цветку, а некоторые приколоты цветы на грудь. Неказистая, темноватая фотокарточка, полученная через неделю ребятами, пережила многих мальчишек. Без них шумят на ветру и выросшие рядом со школой белоствольные берёзы.

Деревенская школа! Слово живой человек, сучает она длинными летними днями. Изредка забегают сюда юннаты, поправят гряды, выполнят сорняки, польют... и снова вокруг тишина. Усыпанная жёлтым песком дорожка от крыльца до ворот ежегодно выводит в большую жизнь многих ребят. И многих приводит сюда, чтобы крестьянские дети набирались ума-разума.

Недалеко от деревни Василево, за пять километров от Бориного дома, стоит широкое одноэтажное здание. Оно чем-то напоминает Цеденевскую школу, но кажется Боре чужим, неприветливым. Он специально приходил сюда, чтобы отдать в руки заведующего школой первое в жизни написанное им заявление о приёме в пятый класс.

Лето с рыбалкой, сенокосом, с грибными набегами в лес прошло. Полетела над полями паутина, закурлыкали в небе улетающие журавли, и наступил день, когда Боря с новой сумкой, круглым пеналом, полным карандашей, отправился в Василево.

Грустно было расставаться с Васей, который направлялся знакомой дорогой в Цеденево. За рекой встретились климовские мальчишки, и Вася Боронов по-дружески улыбнулся Боре, словно и не было между ними давней вражды.

— Давай, Крайнов, сидеть вместе на одной парте, — предложил он, и Боря вдруг заметил, что Боронов сильно вытянулся, как-то похудел и повзрослел. Вася рассказал, что всё лето он работал с отцом на лошади и заработал много трудодней. Боря промолчал: его ещё не брали на колхозное поле.

Прозвякал колокольчик. Ребята влетели в класс и стали торопливо занимать места. В большой квадратной комнате пахло свежей краской, черные парты и доска блестели. Боря и Вася уселись «на камчатке» у окна. Удивительное наступило время: их учит не один человек, а каждый час в классе появляется новый, незнакомый учитель.

Все сидят тихо, поглядывая робко по сторонам. В перерыве несмело перекидываются вопросами:

— Где учился раньше?

— Из какой деревни?

После первого дня занятий Боря неловко, боком протиснулся в дверь школьной библиотеки.

— А можно записаться?

Видимо, Боря был первым из новичков, пришедшим в библиотеку, и пожилая женщина особенно приветливо встретила его:

— Ты любишь читать? Какие книги тебе нравятся?

— Больше про войну, — дичась, отвечает мальчик.

— А вот эту читал? — И библиотекарьша показывает томик со всадником на обложке.

Книга незнакомая. Почему же она про войну, если называется «по-заводскому»: «Как закалялась сталь»? Обманывают его! Наверно, о людях, которые плавят металл.

Дома во время обеда Борис тайком, чтобы не заметил отец, перелистывает книгу, прочитывает несколько страниц, как Павка Корчагин насыпал махорки в пасхальное тесто попу Василию, — и уже забывает обо всём. Что-то сердито говорит мать. Боря с куском хлеба в руке встаёт из-за стола и допоздна не отрывается от книги. Мир, полный мужества, распахнулся перед ним и захватил его.

В школе Борис стал сосредоточенным и замкнутым. Прозвенит, захлёбываясь, колокольчик — и ребята после урока, хлопая откидными крышками парт, выбегают в коридор, шумят, борются, дёргают за косы девочек, а Борис всё чаще оставался в классе, «проглатывал» очередную книгу. То «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, то «Разгром» Александра Фадеева, то «Огонь» Анри Барбюса. Лишь бы

писалось в книге о войне, о лихих сражениях. Читал Боря и во время уроков, положив раскрытый томик на колени, за что ему не раз выговаривали учителя.

Боре теперь не оставалось времени на приготовление домашних заданий. Вернётся из школы - и в мастерскую к отцу. Уж очень интересным делом занялся Сергей Филиппович: пристрастился вытачивать из дерева детские игрушки. Особенно мастерски получались у него грибы. Посмотришь - и сразу определишь: вон тот белый, а тот подберёзовик. Снимешь шляпку, а в корешке тайничок. Удобно в нём держать пёрышки, резинки, модно устроить копилку.

Деревенские женщины проведали об умении Сергея Филипповича, и пошли заказы то на деревянную солонку, то на ковшики с резными ручками. Втянулся в отцовское дело и Боря. Сколько радости было, когда он выточил первый круглый пенал. И конечно, подарил его Васе.

А на другой день пришёл в школу с невыученными уроками. Его сосед по парте не отличался прилежанием и до начала занятий торопливо списывал задачу по физике. — Чего зеваешь, пиши! - обратился он к Боре и пододвинул чужую тетрадь.

Борис отстранил её и, уставившись взглядом в парту, терпеливо ждал своей участи. Когда наступил урок физики и учитель вызвал Бориса к доске, он признался, что не выполнил домашнее задание. Говорить неправду у него не поворачивался язык. В дневнике появилась двойка, но на душе у Бори было легко. Что же, вышла промашка, только он наверстает в другой раз. И недаром, когда на следующий год Борис переходил учиться в новую школу - Сенчуговскую - поближе к дому, старый учитель физики крепко пожал ему руку на прощание и сказал:

— У тебя хороший, честный характер. Всегда будь таким!

Сенчуговская школа внешне ничем не отличалась от Василевской - это были типовые здания. Только здесь училось больше знакомых ребят: Витя Широков из Климовского, Надя Давыдова - синдяковская соседка. Вместе с ними Боря посещал Цеденевскую школу. И Витя, и Надя считались там отличниками. И в шестом классе они шли впереди других.

Борино самолюбие страдало, когда его мать приходила домой с родительского собрания и говорила, как расхваливали учителя Витю и Надю. Конечно, проще всего обозвать их «зубрилками»: они много времени сидят за домашними заданиями, их с трудом вытянешь на улицу. У Бориса нет этого терпения, усидчивости, он берёт знания с налету, все предметы ему даются легко, но так же легко и забываются. И самолюбие, которое не отнесёшь к хорошим человеческим качествам, вдруг обращается ему на пользу. Борис говорит себе: что я - хуже Витьки Широкова? Да нисколько! Вот покажу им, на что способен Борис Крайнов. «Им» — это и матери, и учителям и, конечно, своим погодкам.

Борис ходит сердитый, посверкивает голубыми глазами, ерошит свои пшеничные

волосы и упрямо сидит допоздна над учебниками. И вдруг с удивлением замечает, что он многое упустил, что целые звенья как бы выпали у него из общей цепи школьных знаний. Особенно запутался он в геометрии, которая то и дело ссылается на теоремы, о которых он и понятия не имеет. Борис возвращается к началу курса, а с каждым днём подпирает его новый материал. Уже забыта отцовская мастерская. И мать встревожилась, увидев необычное рвение Бориса. «Как взростеют дети, — печалится про себя Александра Васильевна. — Как летит время, мне уже за пятьдесят! Старший сын Анатолий второй год служит в Красной Армии. На очереди Фёдор! А Владимир всё болеет. В кого бы он такой чахлый да немощный! Одна теперь у неё отрада — младшие. Да и то смотри — и Борис весной улетит из гнезда. Более семи лет учить нет сил! Пусть уж сам пробивает себе дорогу!»

Наступила весна 1938 года. Борису Крайнову вручили свидетельство об окончании семилетней школы.

Шёл он домой не по дороге, а лесом, сплошным черёмуховым коридором. Где-то вверху трепетно заливался невидимый жаворонок. Борис специально отстал от группы товарищей, чтобы остаться одному, собраться с мыслями и помечтать. Вот и наступил в его жизни ответственный рубеж. Ему ещё только пятнадцать лет, а пора начинать самостоятельную жизнь. Дома достатков нет, чтобы его учили дальше. Надо сперва одолеть техникум, стать на ноги, а там видно будет.

Когда он выбрался из леса на дорогу и перед ним распахнулось широкое зеленеющее поле, Борис увидел в воздухе аэроплан. Это была обычная «летающая этажерка», но, следя взглядом за ней, Борис почувствовал, как ёкнуло сердце: «Какой-то счастливчик управляет самолётом! Вот бы мне сесть за штурвал!» И деловитые мысли о техникуме словно ветром сдуло. Вот кем надо стать: пилотом! Ведь в Ярославле есть аэроклуб! Во что бы то ни стало он, Борис, пойдёт туда.

Вслед за черёмуховой весной наступило сухое, знойное лето. Редко выпадали дожди, и колхозники жили тревожно, с одной мыслью — спасти урожай от гибели. Хлеба горели на корню. И вся надежда оставалась на овощи, но свои и колхозные гряды. Река Великая пересохла. Воды в деревенских колодцах еле хватало на поливку огородов. Колодезные колёса скрипели с утра до позднего вечера. И Боре Крайнову невольно пришлось забыть возвышенные мечты о небе и думать о земле. Он вместе с семьёй работал в колхозе и у себя на приусадебном участке.

В народе говорят: пришла беда — отворяй ворота. Там, где засуха, там и пожары. Невелика деревня Синдяково, всего четырнадцать дворов, а уже несколько раз выбирался на волю красный петух. Всё сухо, всё, как порох, и достаточно одной искры, одной спички, как начинает гореть трава.

Фотография победителей спортивной эстафеты, завоевавших переходящее знамя «Комсомольской правды». 1940 год.

Однажды ночью нагрянула беда на семью Крайновых. Пожар возник у соседей. Дом вспыхнул, как свечка, и пламя тотчас перекинулось на соломенную крышу крайновского дома.

Борис спал на сеновале в пристройке. Почувствовав едкий дым, он проснулся, соскочил на землю и удивился тишине. Горели два дома, а вокруг ни одного человека. Уставшие за день люди крепко спали. Он ворвался в дверь, крикнул: «Вставайте!» — и, когда на его крик никто не отозвался, стал расталкивать отца, мать, братьев. В такие минуты трудно обойтись без паники. За что схватиться сначала? Куда бежать? Что делать? Бориса пронизала мысль, что соседи всё ещё спят. Он выскочил на улицу и услышал испуганные возгласы, увидел вылетающие из окон вещи. Значит, там всё знают. Он снова метнулся к себе, распахнул в кухне окно и тоже, по примеру соседей, выкидывал в огород на гряды бельё из комода. Под руки попался его новый костюм — он тоже полетел на улицу, потом мамина шуба...

И тут Борис услышал истошный крик матери:
— Скотина горит!

Борис ринулся через сени во двор, отодвинул засов и выгнал из хлева корову. Под ногами сновали овцы, всполошенно кричали и металась куры, но пламя уже загородило выход на улицу. Горела упавшая с крыши солома, и овцы никак не хотели прыгать через огонь. Борис подталкивал их в спину, но они упирались и сдвинуть их с места мальчик не мог. Пот ручьями катился по щекам Бориса, он выбился из сил, кидаясь за испуганными животными. Уже запахло горевшей шерстью.

Взрослые хватились Бориса. Незнакомым тонким голосом кричал отец:

— Борька, выходи! Сейчас же выходи, крыша рухнет!

И только Борис выскочил из скотного двора, как проломились перекладки. Огненный клуб и снопы искр от горящего сена взметнулись над крышей. Душераздирающе закричали овцы и тотчас умолкли, только шипело пламя и потрескивало пылающее дерево.

Борис упал на землю с колотящимся сердцем и закрыл лицо. Как после он казнил себя за эти минуты малодушия! Ведь он никому не сказал, что выбросил в огород одежду и бельё. И в тот момент, когда Борис в припадке горечи и бессилия валялся по земле, охваченная огнём балка упала с крыши на гряды и уничтожила всё, что было спасено им с таким риском и самоотверженностью. Семья осталась без крова. Брат Вася вышел из дома в одних трусиках, прижимая к груди своего усатого тёзку. От всего бывшего благополучия сохранилась только корова да кое-какие случайные вещи.

В эту ночь деревня Синдяково перестала существовать. Оставшиеся после пожара несколько домов в скором времени были перевезены в Климовское. В эту ночь закончилось и деревенское детство Бориса. Семья двинулась в Ярославль. Большое горе выпало на долю Крайновых, но люди не оставили их в беде. Учителя Сенчуговской школы одели Васю. Заведующий магазином Платон Николаевич снял с себя тужурку и подарил её Борису. Но главная помощь пришла от государства. Погорельцам выдали денежную ссуду на строительство нового дома. Именно в это время на окраине Ярославля зачинался Суздальский посёлок. Тогда он напоминал большой цыганский табор. Новосёлы жили в шалашах, в палатках, в землянках. Сначала выстроили дощатый шалаш и Крайновы. Приближалась осень, уже стояли холодные ночи. Надо было успеть до заморозков с возведением дома.

Мужчины приуныли. Они копали котлован, а к вечеру яма заполнялась водой.

Суздальский посёлок ставился на болотистом месте. Сергей Тимофеевич достал где-то «насос-лягушку», и все по очереди откачивали воду. Борис остро переживал свою оплошность на пожаре, часто задумывался, похудел, и Александра Васильевна решила взять сына в дальнюю поездку на станцию Соть. Там продавались дома на снос.

Все планы Бориса рушились.

Накануне он успел сдать экзамены в техникум резиновой промышленности, но из-за сложных семейных обстоятельств к учёбе так и не приступил. На станцию Соть он приехал удручённый. Когда купили большой деревенский пятистенник, то долго не могли найти плотников, чтобы разобрать дом. Вызвались раскатить сруб два старика. Им пришлось помогать. Однажды Борис чуть не надорвался, подставив плечо под комель бревна. Бревно скатилось на землю, содрал кожу с плеча. Тогда Борису плотники поручили нумеровать брёвна. Краски не нашлось, и Борис выводил цифры дёгтем. Мать уехала в Вологду хлопотать о вагоне для перевозки дома по железной

дороге. Вернулась через несколько дней. За это время Борис вместе с дедами на колхозной лошадейке перевёз дом к самой станции. Ночевал он в помещении маленького вокзала, а днём почти не отходил от кучи пронумерованных брёвен и досок – сторожил.

Как родители ни торопились, в зиму пришлось жить семье у чужих людей. Непрочный тёсовый шалаш снесло осенним ветром. Зато, как только замёрзли лужи, быстрее пошли земляные работы. Когда со станции Соть прибыл дом, Сергей Филиппович и его сыновья подготовили кирпичный фундамент.

Отец не стал нанимать мастеров, он сам отлично владел и топором, и пилой. А Борис, помогая отцу, за время стройки был и землекопом, и плотником, и печником. Его лицо на морозе обветрилось и потемнело. Он раздался в плечах.

Часто, запрокинув голову, Борис смотрел в небо: недалеко от посёлка был аэродром, и самолёты кружили на крышах. Снова сладко замирало сердце и возвращались мальчишеские мечты. Однажды он исчез со стройки и возвратился со стопой книг. Они попались на глаза матери. «Самолёт У-2», «Элементарная теория полёта самолёта», — прочитала Александра Васильевна и покачала головой.

Справляли новоселье. Борис пришёл с улицы, держа в руках молоток. Он только что приколотил над стрехой новенькую табличку с адресом: «Улица Писемского, дом № 32». В комнатах смолисто пахло свежеструганой сосной. Некрашенные полы отливали желтизной. Из пазов торчал мох. Но это ничего. Важно, что у Крайновых есть своя крыша.

УДОСТОВЕРЕНИЕ
№ 16

Дано поим. Крайнову Б. С.
в том, что он действительно окончил 15 июля 1940 г. подготовительный курс ИИСТС в г. Горьком по подготовке инструкторов физической культуры.

На основании постановления о курсах инструкторов Секретариатом ИИСТС от 2 декабря 1937 года, постановлением ЦК ВЛКСМ от 11 июля 1938 года и приказом ЦК ВЛКСМ от 11 июля 1938 года № 1000-П. разрешено в качестве инструктора физкультуры работать инструктором физкультуры в сельхозколхозах физкультуры.

За время обучения на курсах поим. Крайнов Б. С. показал следующие знания:

1. История СССР	Средне	18. Язык	Средне
2. Физ. в СССР	Средне	19. Музыка	Удовлет.
3. Анатомия-физиология человека	Средне	20. Спортивные игры	Удовлет.
4. Психология	Средне	21. Физика	Удовлет.
5. Математика	Средне	22. Биология	Удовлет.
6. Педагогика	Средне	23. История	Удовлет.
7. Методика физической культуры	Средне	24. Литература	Средне
8. Физ. упражнения	Средне	25. География	Средне
9. Спортивные упражнения	Средне	26. Математика	Средне
10. Методика работы с детьми	Средне	27. Физкультура	Средне
11. Методика работы с подростками	Средне	28. Физкультура	Средне
12. Методика работы с юношами	Средне	29. Физкультура	Средне
13. Методика работы с девушками	Средне	30. Физкультура	Средне
14. Методика работы с инвалидами	Средне	31. Физкультура	Средне

Начальник курсов инструкторов ФК ИИСТС [подпись]
[подпись]

Удостоверение Бориса
Крайнова об
окончании курсов
по подготовке
инструкторов
физической культуры.

За столом Боря объявил о своём решении уехать в город Горький. Мать и Сергей Филиппович недоуменно посмотрели друг на друга: что за новости, почему в Горький? Оказывается, Борис уже договорился в райкоме комсомола о поездке на шестимесячные курсы ВЦСПС по подготовке инструкторов физической культуры. И когда он успел стать комсомольцем? Ах, верно, в Сенчуговской школе! Перед самым концом учёбы он однажды возвратился домой возбуждённый, праздничный. Как раз тогда сильно заболел его брат Володя, вся семья встревожилась, и Борина радость прошла как-то мимо, никем не замеченная. Да и сам он тотчас же был послан в Климовское, за лекарствами. Но Боря, несмотря на все семейные невзгоды, успел в городе стать на учёт. И комсомольский билет не погиб на пожаре. Видимо, с билетом Борис не разлучался и тогда, когда спал. Все эти мысли пролетели в голове у матери за скромным праздничным столом в день новоселья. И она не могла сердиться на Бору, покидавшего надолго родной дом.

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ. Первую половину 1940 года Борис провёл в городе Горьком. Об этом периоде в жизни Крайнова осталось два документа: фотография победителей спортивной эстафеты, завоевавших переходящее знамя «Комсомольской правды», и свидетельство об окончании шестимесячных курсов ВЦСПС по подготовке инструкторов физической культуры. Примечательны предметы, изучавшиеся на курсах. В свидетельстве перечислены почти все виды спорта. Здесь Крайнов прошёл хорошую школу выносливости и ловкости. Возвратившись домой, Борис, теперь уже Борис Сергеевич, стал работать преподавателем физической культуры в средней школе № 54 на Туговой горе. Именно в это время он посещал аэроклуб.

Обком комсомола дал Борису поручение – подготовить группу сельских инструкторов физкультуры в Большом Селе. С этой задачей он справился и снова возвратился в Ярославль, в школу. До начала войны оставались считанные дни.